

Черский Леонид Федорович

**Кавказские сказки, предания
и легенды**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Л47

Л47 **Леонид Федорович Ч.**
Кавказские сказки, предания и легенды / Черский Леонид Федорович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 66 с.

ISBN 978-5-521-30158-4

ISBN 978-5-521-30158-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Благодаря теплomu и сырому климату, склоны кавказскихъ горъ покрыты роскошною растительностью. Въ долинахъ вѣковыя чащи изъ каштана, дуба, липы, клена, вяза, яблонь, грушъ и другихъ лиственныхъ деревьевъ переплетаются со стеблями дикаго винограда, плюща, хмеля и вслѣдствіе этого часто бываютъ совершенно непроходимы. На болѣе значительной высотѣ, по стремнинамъ, ущельямъ и крутизнамъ, растутъ хвойныя лѣса, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ восточной ели и кавказской пихты. Во многихъ мѣстахъ, между хребтами кавказскихъ горъ, находятся прекрасныя луга и плодородныя хлѣбныя поля. Своимъ плодородіемъ особенно замѣчательна христіанская страна Грузія, самая южная изъ кавказскихъ мѣстностей, добровольно подчинившаяся Россіи еще при императорѣ Павлѣ въ 1801 году.

Грузины чрезвычайно красивы собою, носятъ очень живописную одежду, веселы, гостепріимны, любятъ пировать, очень храбры, но лѣнивы и способны довольствоваться малымъ, лишь бы кое-какъ прожить безъ особаго труда. Совершенную противоположность съ ними составляютъ армяне. Это народъ смышленный, хитрый, дѣятельный, предпріимчивый, любящій деньги и вообще во многомъ напоминающій евреевъ. Армяне, хотя тоже христіане, но ихъ вѣра нѣсколько отличается отъ православной. Затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ Кавказа, особенно въ сторону Каспійскаго моря, живутъ татары.

Животный міръ Кавказа также отличается своимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Въ Кавказскихъ горахъ и лѣсахъ живутъ медвѣди, волки, лисицы, рыси, гіены, барсы; затѣмъ олени, горныя козлы (туры), зубры, кабаны. Изъ птицъ замѣчательны: тетерева, фазаны, индѣйки; также во множествѣ встрѣчаются гуси, лебеди, утки; изъ пѣвчихъ птицъ водятся здѣсь соловьи, чижи, малиновки, дрозды, скворцы; изъ хищныхъ можно назвать ягнятниковъ и орловъ. Въ лѣсахъ водится много змѣй.

Живутъ кавказскіе горцы небольшими селеніями, или такъ называемыми, аулами, которые лѣплятся по крутизнамъ и ущельямъ. Улицы ихъ до того кривы и узки, что иногда бываетъ трудно разойтись при встрѣчѣ двумъ человѣкамъ. Дома, или сакли, строятъ въ аулахъ обыкновенно изъ неотесаннаго камня съ плоской крышей, и одной стѣной опираютъ обыкновенно на скалу. У наиболѣе богатыхъ и зажиточныхъ горцевъ сакля раздѣляется обыкновенно на двѣ половины: одна для семьи, другая — „кунацкая“ — (отъ слова кунакъ, что значитъ пріятель) для пріема гостей. Стѣны конацкой бываютъ выбѣлены и въ одномъ изъ угловъ устраивается каминъ. Огонь разводится прямо на землѣ и, чтобы комнаты не наполнялись дымомъ, въ крышѣ дѣлается отверстіе, откуда и выходитъ дымъ, выталкиваемый вѣтромъ. Столбы, на которые опирается крыша, обыкновенно бываютъ увѣшаны оружіемъ, бараньими шубами, папахами, башлыками и другой одеждой, а вдоль стѣнъ, на полкахъ, разставляется разная деревянная и глиняная посуда. Изъ всего своего помѣщенія, горецъ особенно любитъ конацкую и проводить въ ней большую часть дня, среди своихъ пріятелей и гостей.

Гость у горцевъ, вообще, считается священнымъ лицомъ, такъ-что тотъ-же самый горецъ, который, не задумавшись, подстрѣлил бы васъ среди горъ, окажетъ вамъ въ своемъ домѣ самое щедрое и угодливое гостепріимство.

Но, щедрые къ гостямъ, горцы весьма неприхотливы по отношенію къ себѣ; да и трудно имъ сдѣлаться прихотливыми при скудости горной почвы, состоящей изъ гранита, извести и тому подобныхъ каменныхъ породъ. Ключки плодородной земли между скалъ разыскиваются, какъ золото въ Сибири, и цѣнятся весьма высоко. Не желая разстаться съ своими горами, горцы часто, при помощи женщинъ, наносятъ плодородную землю на скаты горъ и на ней уже разводятъ пшеницу или ячмень.

Домашняя жизнь горца, особенно дождливою осенью, весьма однообразна и скучна; развлеченіемъ служатъ имъ бесѣды и воспоминанія о быломъ, или—въ праздники—игры и скачки на лошадяхъ.

Теперь на Кавказѣ все тихо и мирно, звучить русскій благовѣстъ православныхъ храмовъ и раскинулись русскія станицы. Но не скоро еще забыта будетъ вполнѣ старая вражда, не скоро еще русскіе и горцы Кавказа вполнѣ забудутъ взаимно пролитую кровь. Но, тѣмъ не менѣе, и теперь уже много возникло на Кавказѣ людныхъ городовъ, много проложено дорогъ, много найдено въ немъ сокровищъ, и русскій Царь прилагаетъ усиленные заботы къ тому, чтобы водворить на Кавказѣ полный миръ, безопасность и просвѣщеніе.

Какъ собака нашла себѣ хозяина.

Грузинская сказка.

Бродила собака по бѣлому свѣту, чужая, что такъ ей жить нельзя, надо найти себѣ хозяина, чтобы служить ему и въ немъ находить защиту въ случаѣ опасности,—а кто долженъ быть этимъ хозяиномъ,—не знала. Только встрѣчается ей на пути волкъ, сильный, дикій, злобный, такъ и видно, что никому въ обиду себя не дастъ, никому не уступить.

— Куда идешь, собака?

— Да вотъ хозяина себѣ ищу... Не позволишь-ли мнѣ хоть твоимъ слугою быть?

Согласился волкъ и пошли они вмѣстѣ. Долго-ли, скоро-ли они шли, только видитъ собака, поднялъ волкъ носъ кверху, понюхалъ воздухъ, да вдругъ свернулъ съ

прямой дороги и сталъ потихоньку краемъ поляны про-
бираться.

— Что съ тобою, хозяинъ? Чего ты испугался?—спро-
сила собака.

— А вотъ, посреди поляны, не видишь развѣ, медвѣдь

стоять... Этотъ и тебя, и меня такъ прихлопнетъ, что только мокро будетъ.

Бросила собака своего хозяина и пошла къ медвѣдю въ слуги. Принялъ онъ ее охотно и говоритъ ей:

— Что-то мнѣ ѣсть хочется... Пойдемъ-ка къ стаду; тамъ я, пожалуй, корову себѣ промыслю.

Только стали они подходить къ стаду, какъ слышатъ шумъ, гомонъ, ревъ; коровы мычатъ, кони ржутъ, и все бѣжитъ, кто куда попало, сломя голову, словно спасаясь отъ чего-то.

Взглянуль медвѣдь изъ-за дерева, повернулся и пошелъ назадъ въ чащу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ собакѣ,—не во время я сюда сунулся... Здѣсь уже левъ хозяйничаетъ.

— А что это такое левъ?

— Эхъ ты, неужто не знаешь? Это—царь звѣрей. Сильнѣе его нѣтъ никого между нами.

— Коли такъ, прощай,—сказала собака,—пойду лучше къ нему въ слуги.

Отыскала она льва и рассказала ему свое горе. Принялъ ее левъ и стала собака ему служить.

Долго, очень долго у царя льва слугою она была, и никого сильнѣе его не видѣла, и никто ее обидѣть не смѣлъ.

Только разъ идетъ она съ хозяиномъ среди голыхъ скалъ. Вдругъ левъ остановился, зарычалъ, да такъ, что горы затряслись, рвануль со злости землю когтями и пошелъ потихоньку назадъ.

— Что ты, хозяинъ?—спросила собака.

— Человѣкъ сюда идетъ... вотъ что. Значитъ, надо мнѣ уходить, потому что сильнѣе его никого на свѣтѣ нѣтъ.

— Ну, тогда прощай, царь звѣрей. Коли быть слугою, такъ ужъ у того, кто и надъ тобою царь.

И стала съ того времени собака слугою человѣка.

Давно, давно она ему служить, и сильнѣе его никого еще на свѣтѣ не видала.

Котъ Котофеевичъ.

Осетинская сказка.

Жили себѣ старикъ со старухой, жили сперва богато, а потомъ все прожили, да такъ обѣднѣли, что, случалось, по три дня ничего не ѣли. Изъ всего богатства остался у нихъ одинъ котъ. Старуха разъ и говорить своему старику: „слушай, старый, пора намъ кота согнать со двора: ничего у насъ не стало—ни мяса, ни сала“. А котъ лежитъ на печи да все слышитъ. Вотъ схватилась старуха за скалку, старикъ за палку и стали они вдвоемъ гнать кота со двора. Котъ съ печки, да въ поле и побѣжалъ, что есть мочи.

Къ ночи онъ встрѣтился съ лисой. „Скажи, котъ, какая бѣда загнала тебя сюда?“ спрашиваетъ лиса.— „Жилъ я у старика со старухой, отвѣчаетъ котъ, сперва они меня кормили и жалѣли, Котомъ Котофеевичемъ звали, а какъ стало имъ нечѣмъ кормиться, они меня и вонъ со двора. Не можешь ли ты, сестра, взять меня къ себѣ на прожитокъ? Тебѣ я не былъ бы въ убытокъ“.— „Почему нѣтъ, отвѣчаетъ лиса, вдвоемъ жить намъ не будетъ хуже, станетъ теплѣе и веселѣе.

И стала лиса жить съ котомъ въ одной норѣ, на горѣ. Вотъ уходитъ разъ лиса изъ дома и приказываетъ коту: „ну, Котъ Котофеевичъ, пойду я прогуляться съ барсукомъ, а ты смотри за моимъ домкомъ: гдѣ нужно, пыль хвостомъ сотри, комнату подмети, все убери; гляди, свѣжей травы нарви и постель убери вонъ въ томъ

углу; потомъ возьми иглу да почини свое платье, да, смотри чуръ, работать, не дремать“.

Котъ остался одинъ домосѣдомъ, а лиса со своимъ сосѣдомъ, барсукомъ, отправилась вечеркомъ въ гости къ волку. Въ этотъ день еще съ утра забѣгала къ лисѣ.

жена барсука и крѣпко просила лису, чтобы она съ ея мужемъ сходила провѣдать волка. „Видишь-ли, моя милая голубушка, говорила барсучиха лисѣ, вчера у меня на родинахъ былъ нашъ милый сосѣдуска, волкъ-дѣдушка; онъ обѣщалеся взять у меня къ себѣ въ ученье одного сынка моего. Онъ, знаешь, одинокъ и холостякъ и такъ меня объ этомъ просилъ, что у меня не стало силъ отказать ему. Если-бы ты знала, какъ я этому рада. Все, думаю, изъ сынка моего выйдетъ какой нибудь толкъ: онъ, вѣдь, умнѣйшій волкъ. Да что подѣлаешь, родная, муженекъ-то мой въ этомъ ничего не смыслить. „Не дамъ, говоритъ, своего сына волку на срамъ. Какое тамъ у него особое ученье“?—„Мое почтенье,—я отвѣчаю,—ты-то къ чему путному готовишь своихъ сыновей да дочерей? Землю копать? Изволь сидѣть да глядѣть, какъ ты день-деньской пыхтишь да кряхтишь надъ своей земляной работой. Не повѣришь, дорогая, недавно онъ опять затѣялъ строить новый домъ, такую нору, чтобы шла сквозь всю гору. Такъ вотъ и пришла я просить тебя сходить за меня съ муженькомъ навѣстить и отблагодарить волка. А мнѣ гдѣ ужъ съ семьей тащиться“.

По этому случаю и шла теперь къ волку лисица съ барсукомъ, шла да то и дѣло барсука понукала, даже ругала, чтобы онъ отъ нея не отставалъ. „Ну, батюшка мой, бранила она барсука, такого толстяка, прошу извиненья, я еще не встрѣчала отъ рожденья: ходить съ тобою истинное мученье. Неужто у тебя нѣтъ силъ, или ты Господи прости, боишься свой жиръ растрасти“?

Вотъ приходятъ они къ дому волка. Лиса сама отправилась во внутренній покой хозяина, а барсука оставила обождать въ прихожей: ты, дескать, парень негожій и здѣсь меня обожждать можешь. Въ гостяхъ у волка былъ и медвѣдь. Гость и хозяинъ стали спрашивать лису, гдѣ она бывала, что новаго слыхала. „Что я, братцы, заговорила лисица, такая птица, чтобы всюду

летать, да вамъ вѣсти доставлять? Поселился у меня неизвѣстный звѣрь, богатырь Коть Котофеевичъ, съ такою силой, что, мои милые, вамъ и вдвоемъ его не одолѣть“. — „А нельзя-ли на него хоть поглядѣть? спросилъ медвѣдь: — онъ, гляди, не побрезгаетъ къ намъ и въ гости зайти?“ — „А вотъ, отвѣчаетъ лиса, зажарьте для него цѣлаго быка, я за нимъ пошлю барсука“.

Волкъ и медвѣдь поймали быка, сжарили его цѣликомъ, положили на полянкѣ въ лѣсу и стали ждать поджидать Кота Котофеевича. Побоялись они встрѣтиться съ звѣремъ-богатыремъ и оба тутъ же поблизости спрятались: медвѣдь взлѣзъ на дерево, а волкъ около самаго быка закопался въ сухіе листья—одни глаза огонькомъ свѣтятся.

Пришелъ Коть Котофеевичъ, сталъ ѣсть мясо жаренаго быка и замурлыкалъ: „мал... мал... мал“... Волку послышалось, будто котъ говоритъ: „мало, мало“... — „Вотъ какой богатырь: цѣлаго быка ему мало на обѣдъ!“ подумалъ снъ и со страха поглубже сталъ въ листья забираться. Коть оглянулся на шелестъ, смотритъ: пара волчьихъ глазъ свѣтится изъ подъ листьевъ, да подумалъ, что этомышь, бросилъ быка и прыгнулъ; глядь—волкъ, онъ отъ страха—на дерево, а тамъ — медвѣдь. Видитъ медвѣдь, что Коть Котофеевичъ покончилъ съ волкомъ и къ нему добирается, испугался и схватился покрѣпче за сукъ. Сукъ подломился, и медвѣдь съ дерева свалился прямо на волка и однимъ концомъ сука насквозь пропоролъ волка, а другимъ себя закололъ. А Коть Котофеевичъ сидитъ на деревѣ да себѣ подъ носъ урчитъ: „мал... мал... мал...“ Барсуку тоже показалось, что котъ говоритъ: „мало.“ „Вотъ богатырь, подумалъ онъ, мало ему на обѣдъ быка, медвѣдя и волка!“ — и съ испуга ну скорѣе нору копать и весь ушелъ въ землю.

Набрелъ на это мѣсто старикъ, у котораго раньше

жилъ котъ, увидалъ жаренаго быка и остановился. Котъ Котофеевичъ узналъ старика, спустился съ дерева, возо-

брался къ нему на плечо и отъ радости замаяукалъ: „мал... мал... мал“... Старикъ содралъ съ волка и медвѣдя шкуры, прикрылъ ими жаренаго быка, взялъ съ собою